



Ольга Сивей

АЛЮМИНИЕВЫЕ ОГУРЦЫ

18+

Ольга Сивей

Алюминиевые огурцы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68355974
Алюминиевые огурцы: Четыре; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-907557-88-8*

Аннотация

Дети перестройки... Их не интересуют новости с экранов телевизоров. Они играют, смеются, влюбляются и слушают песни Цоя. Порой жестоки друг к другу. О чём они мечтают, пока взрослые стоят в очередях, машут плакатами и стучат касками на площадях? Их сердца полны дерзостных надежд. Но с распростёртыми ли объятиями ждёт их жизнь за стенами школы на пороге девяностых? А нулевых?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Алюминиевые огурцы	6
Глава 1	6
Просто хочешь ты знать	6
Дерево	11
Бошетунмай	14
Попробуй спеть вместе со мной	17
Это не любовь	20
Глава 2	24
Дети проходных дворов	24
Муравейник	29
Песня без слов	33
Апрель	36
В наших глазах	39
Глава 3	44
Следи за собой	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ольга Сивей

Алюминиевые огурцы

© Ольга Сивей, 2022

© Издательство «Четыре», 2022

* * *

*Мы – дети кривого времени.
Мы – дети трибунной войны,
Двойного дна, лицемерия,
Истории ложной вины.*

*Понятия переиначены –
Уставов сожгли ярлыки.
Не в шутку, по-настоящему
Сжимали свои кулаки,*

*Кострам перемен не верили,
Портвейном смывали грим
И скотчем глаза заклеили,
И вены вскрывали своим.*

*Искали любовь в невежестве,
А силу – в холодном стволе.
Весь мир считали убожеством,*

Но в правду так верили все...

Ольга Сивей

Алюминиевые огурцы

Глава 1 Солнечные дни

Просто хочешь ты знать

Шёл очередной год наивно-безмятежного советского календаря...

Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, мальчики!..

Жёлтый кленовый лист зацепился за шнурок ботинка.

«Ого! – подумала Ира. – Вчера листья были ещё зелёные. Это потому, что сегодня Первое сентября!»

Она pokrутила головой в поиске сменившего наряд дерева.

Справа кусты протягивали зелёные сучья с толстыми белыми горошинами ягод. Если бросить их на дорогу и топнуть по ним – чпок! чпок! крак! – разразится нежная канонада. «Надо будет полопать на обратном пути!» – составила план действий Ира.

Слева взгляд по отштукатуренной стене школы поднялся

вверх до третьего этажа. Из открытого окна вылетал такой же кленовый лист.

– Мам, они бумажные! Они у них улетели!

– Да-да... Пойдём! Уже линейка начинается!

Фиолетово-красные астры в букетике закивали в такт шагам: «Да-да! В школу!» Ярко-зелёный ранец с головой утёнка в матроске безжалостно подталкивал в спину: «Вперёд! Вперёд! К знаниям!»

Ира разглядела в сине-бело-коричневой толпе Светку со второго этажа и протиснулась к ней, оставив маму позади с остальными родителями.

Светка потрогала чубчик наклеенного утёнка.

– А я без портфеля: мама не дала. Только форму и цветы. Она на работе, я одна пришла.

На школьном крыльце звонко читала стихи миловидная девочка с двумя закрученными волнами хвостиками.

– Какой у неё красивый фартук! – с лёгкой завистью Ира рассматривала белые кружевные крылышки на плечах чтицы.

– Это Галька с девятиэтажки. Вредина! Во дворе хвасталась новым пупсом и даже посмотреть не дала!

Тут верзила-старшеклассник подхватил Галю на плечо, и первый школьный звонок огласил окончание бесполезного (с точки зрения первоклашек) мероприятия.

Девочки с самыми большими бантами с чувством превосходства усаживались за первые парты. Мальчики в синих

форменных костюмчиках с довольным видом спрятались за ними. Ира переглянулась со Светой, и они дружно уселись за одну из задних парт.

Пять минут дали на изучение рабочего места. Первоклашки яростно запихивали ранцы на полочку внутри парты, хлопали крышками стола, слушали – скрипят не скрипят, ёрзали – жёстко не жёстко, катали по наклонной поверхности карандаш и с головой ныряли за ним в глубину под соседской скамьёй.

Чувствуя, что чертыхание может занять гораздо больше времени, учительница поспешила начать урок.

Дарья Павловна представляла собой немолодую грузную женщину с двойным подбородком, становившимся тройным при крайней степени недовольства, тёмным пушком над верхней губой и пронизывающими чёрными глазами. Причёска и одежда выдерживали стиль «а-ля Надежда Крупская».

Внезапно распахнулась дверь, и в класс уверенно вторглась громогласная дама, как все тут же поняли – директор школы.

– Дети, есть среди вас те, у кого день рождения в ноябре или декабре?

Трое подняли руки. Светка зашептала:

– У меня двадцать девятого октября! Мне ведь не надо руку поднимать?

Ира убедительно затрясла головой.

Директор залебезила:

– Деточки, вам ещё рано в школу! Придёте на следующий год!

И безапелляционно продолжила, уже в школьном коридоре:

– Кто родители этих детей?.. Вы?.. Придёте на следующий год! Детей слишком много, парт не хватает!.. И, родители, только шариковые ручки! Перьевыми – измажутся в чернилах!..

Двое мальчишек, радостно выдернув ранцы, умчались из класса. Веснушчатая девочка громко зарыдала и присоединилась к таким же горемыкам из соседних кабинетов.

Праздничное настроение Иры несколько испортилось. Света же тихо радовалась своему двадцать девятому октябрю.

На следующий день её перевели в другой класс, чтобы уравновесить количество детей.

Читать и считать Ира умела ещё до школы, но многие одноклассники не знали даже алфавита. Чем себя занять, пока другие складывают буквы в слова, а цифры в ряд, она придумала быстро.

В крыле, где находились первые классы, на этом же этаже располагалось сказочное место – библиотека. А книги Ира не просто читала – она с ними играла, гуляла, ела и спала.

Заученные наизусть немногочисленные домашние книж-

ки сменились необъятным миром библиотечных полок. Во время перемены Ира выхватывала оттуда очередную сказку, прятала её под крышкой парты и, когда урок становился уж очень скучным, читала, тихо-тихо перелистывая страницы.

– Степанова, я урок для кого веду?! – Ира просто оглохла от раздавшегося над ней оклика.

Стыдно-то как! Глаза вверх не поднимались. Крышка стола резко скрипнула, и Дарья Павловна выдернула книжку.

– Отдам только родителям!

В дневнике – жирная двойка за поведение.

Мама с папой негодовали:

– В садике твои выходки всем надоели! Теперь и в школу начали вызывать... На почерк свой посмотри – как курица лапой пишешь!

В тетрадях Иры ошибок не было, но записи совершенно не соответствовали отличнице: у тех каждая буква выведена, предложения – строчечка к строчечке. А у неё – мелкие корявые горошины, такие же строптивые, как сама. Родители пытались исправить недоразумение и заставляли переписывать текст по несколько раз, но чем чаще, тем он становился неразборчивее. Ира мечтала стать врачом, вот и почерк, наверное, соответствующий вырабатывался.

Отстали.

Но книги брать в библиотеке запретили. Как будто сердце вырвали!

Она не она будет, если выхода не найдёт! Стала выби-

рать на полках книжки потоньше, прочитывала за перемены и немного задерживаясь после уроков, и сдавала. Наутро – опять в библиотеку.

– Так дело не пойдёт! Ты, наверное, не читаешь, а картинки только смотришь. Больше так быстро не приму! Приноси завтра. – Библиотекарь, возмущённо сверкая очками, вернула книгу.

Ира спряталась в школьном туалете. Шестерёнки в голове бешено вертелись.

Дома точно накажут за то, что ослушалась, – домой нельзя! Оставить в классе? Дарья Павловна найдёт, опять родителей вызовет. Или кто-нибудь стащит.

Взгляд упал на батарею. Между ней и стеной темнела узкая щель, но книга пролезет. Попробовала, оглядела со всех сторон – почти незаметно. Вглядываться никто не будет!

Хорошо, что вскоре родители забыли о запрете, и эпопея со школьным туалетом продолжалась недолго.

Дерево

Жила-была девочка. Как её звали? – Ай, неважно! Мама ей сшила красивое платье с рукавами-фонариками, а папа подарил резиновые сапожки. Даже с каблучком. Она взяла ведёрко и пошла в лес за грибами...

Ира шариковой ручкой старательно выводила ножки-палочки в огромных сапогах на окрашенной зелёной краской

дверце рядом со своей партой.

Что за трезвон?.. На урок?!

Она растерянно глядела на свой шедевр. Донёсся язвительный голос Гали:

– А Степанова на шкафу нарисовала!

Тяжёлая фигура нависла над Ирой.

– Сейчас же возьми тряпку и смой!

Зря Галька влезла – без неё бы сама всё стёрла! А теперь...

– Не буду!

Брови Дарьи Павловны поползли вверх, а подбородок вниз, став тройным.

– Почему?..

Ира молчала, поджав губы и уставившись в одну точку, куда-то под парту. Руки, ноги оцепенели, как и язык, и в сторону тряпки не двигались.

«Это Галька во всём виновата!»

– Будешь мыть?!

Ступор не отпускал. Ира молчала. И прекрасно понимала, что она – упрямый осёл, но ничего с собой сделать не могла.

– Хорошо! Я вымою сама!

Ира выбежала из класса. Опять в дневнике на фоне пятёрок по предметам красовалась двойка за поведение, и звали родителей.

Дома кричали: в кого такая уродилась?..

Дарья Павловна красных чернил не жалела. Как и Ира не

могла укротить свою безудержную натуру.

Задираются мальчишки – облила из стеклянного шприца, что носила в своей санитарной сумочке, когда готовилась к «Зарнице». Двойка. А за то, что их команда выиграла благодаря ей, и не похвалили.

Слепила из глины волка. Весь вечер с мамой сушили, раскрашивали гуашью. Одноклассник взял посмотреть и отломил нечаянно лапу. Дарья Павловна за трёхногого зверя четвертку поставила.

– Почему? Я же не виновата, что лапа отломилась?!

– Не смей со мной спорить! Сядь на место!

Вскипело внутри от несправедливости – как жажнула учительский стул об пол! Ножка сломалась и у стула. Двойка.

Задержалась учительница перед уроком. Сосед по парте закидал Иру пластилином. Недолго думая, схватила доску для лепки и стукнула по бестолковой голове. Крови-и-ищи! Испугалась сильно! Двойка – в дневник, дома – ремень.

Появились двойки и по математике. Долго взрослые не понимали – почему?

А Ира не признавалась никому, что не видит того, что написано на доске. Боялась – очки заставят носить. А «очкарик – в жопе шарик»! Соседа по парте Витю совсем задразнили и очки сколько раз били! Но он добрый: принёс стекло от разбитых очков, и она втихаря стала через него на доску смотреть и с контрольными вовремя справляться. Дарья Павловна всё-таки заметила и опять начала на Иру кричать,

что она без глаз хочет остаться.

Родители в очередной раз всё на книги свалили, а про наследственность умолчали: отец и почти вся его родня – близорукие!

Бошетунмай

Ира была счастлива в полуземляночном посёлке-самострое на оврагах с речками-«вонючками». Рубили дрова, топили печку, из родника в овраге таскали ледяную воду, ходили в туалет с дыркой в полу. Зато без боязни носилась ребяшня по всему посёлку, лазила по деревьям и заборам, рвала вишню и клубнику, пока родители мечтали о городских квартирах.

Взрослое счастье свалилось прямо перед школой. Туалет с ванной, газ, вода. Перевезли в новую квартиру скрипучий шифоньер и лязгающую металлическую койку. Новый диван, когда раскладывался, перегораживал полностью единственную комнату. Холодильник купили не сразу, а продукты поначалу вывешивали в сетке за окно.

В длинном коридоре «малосемейки» с дверями на десять квартир гоняли малыши на трёхколёсных велосипедах, а дети постарше дождливыми или морозными вечерами вытаскивали кукол, пупсов и зайцев в эту общую игровую, строили свой кукольный театр, разыгрывали сказочные сюжеты.

Ира никогда не думала, что может быть по-другому.

В третьем классе она помирилась с заносчивой Галей и познакомилась с её подружкой Верой, которая пригласила на свой день рождения. Обе девочки жили в одном подъезде соседней девятиэтажки.

В этом доме существовал лифт. Ира нажала на красную кнопку. Кабина с лязгом двинулась откуда-то сверху, до-скрежетала до первого этажа, грохнула внутри, и двери, вздрагивая, открылись. Ира заглянула внутрь – на ряд чёрных прямоугольников. Это она сейчас должна туда зайти? Двери закроются, и она окажется в этом совсем одна? А свет не погаснет? И почему он так шумит и трясётся? Ну нет!

И Ира потопала наверх пешком.

Пухлую, обитую дерматином дверь с ажурными гвоздиками открыла Верина бабушка. Из квартиры доносилась музыка, пахло пирожками с яблоками. Ира осторожно ступила на ковровую дорожку в прихожей. Взгляд заметался, что рассмотреть первым: то ли картины на стене, то ли мерцающие стекляшки на люстре, или телефонный аппарат на полочке...

Её провели в одну из комнат, где уже собрались щебечущие обо всём на свете одноклассницы. Весь вечер Ира не могла отвести взгляд от шкафа на всю стену, поэтому названного «стенкой», от многочисленных полок, на которых вместе с хрустальной посудой и фарфоровыми чашками стройными зелёными, бордовыми, серо-фиолетовыми рядами вы-

строились книги. На корешках циферки и неизвестные имена – Гоголь, Шолохов, Горький... «О, Толстого я знаю!» – обрадовалась Ира. Ах, откуда только такое богатство?!

Ещё один предмет её интересовал почти так же, как книжные полки, – радиола. Ей разрешили самой поставить пластинку с «Пластилиновой вороной», и она смотрела на скользящую по дорожке чёрного круга прозрачную иглу – как оттуда выходит звук?

А в её доме на столе стоял катушечный магнитофон. Родители очень им гордились и берегли, включали редко. По праздникам он пел: «Синий-синий иней лёг на провода... У-у-у!..» Папа на плёнку записывал стихи и сказки, которые она рассказывала в микрофон, как настоящая артистка! А на пластинку так не запишешь – и Ира разочарованно отошла от проигрывателя.

Но книги!.. Вот это сокровище!

Спустя год родители после хождений по кабинетам начальников суетливо перевозили вещи в новую двухкомнатную квартиру на девятый этаж панельки через дорогу, с балкона которой можно было наблюдать и за их старым застраивающимся посёлком. Квартира постепенно обростала коврами, шкафами, хрусталём...

Только хороших книг по-прежнему не было.

Попробуй спеть вместе со мной

Учителя что-то бурно обсуждали у старой веранды в стороне от школьной площадки. В углу высилась гора бумаг, перевязанных в узлы бечёвками, старыми поясами или собранных в коробки.

Учитель школьной мастерской куда-то убежал, вернулся с коробком спичек, торопливо чиркнул, и первая тетрадка скукожилась под оранжевым язычком. Ручеёк пламени побежал по исписанным листочкам, читаным-перечитанным газетам и журналам, потрёпанным книгам.

– Ух ты, здорово! – восхитился стоящий рядом паренёк со второго класса.

Иру ждали более интересные дела, и она удалилась в сторону своего двора.

Светка не поверила, что всю собранную вчера макулатуру спалили, и на следующий день они вдвоём вернулись к веранде. Обуглившаяся штукатурка чёрными безобразными мазками слезала со стен. Не осталось ни одной бумажки, как будто и не было вчерашней гонки между классами – у кого кучка больше и весомее по килограммам.

Следующим летом веранду снесли, как, видно, и планировали.

Рассказы про дедушку Ленина нравились Ире, как сказки про Деда Мороза. Жил-был идеальный человек в идеаль-

ном мире! С октябрытской звёздочки, приколотой к фартуку, смотрел самый умный и послушный мальчик на свете. Если Ира будет такой же, то скоро на этом месте появится другой значок – с пионерским костром.

Осенью третьего класса родилась долгожданная сестрёнка Алинка. Теперь Ира – старшая, и у неё появилась масса домашних обязанностей. Весной загремели в портфеле стеклянные бутылочки для детского питания. Молочная кухня располагалась за три квартала от школы. Очередь выстраивалась вдоль многоподъездного дома, и припозднившимся могло не хватить детского кефира или сладкого творожка, который иногда можно было купить дополнительно и лакомиться по дороге домой.

Час торжества повязывания пионерского галстука приближался. Иру за отличную учёбу записали в первую очередь достойных этой чести. Вместо урока лепки провели репетицию знакового события, но занятие не отменили, как она рассчитывала, а перенесли дополнительным после всех остальных уроков.

А как же детское питание? И маму невозможно предупредить!

Ира в растерянности стояла у школьной раздевалки.

– Что, Степанова? Сбегаешь с урока? – одобрительно кивнул Вова Лемешев, пробегая мимо.

– В «молочку»? – посочувствовала Алиса Ванина. – Дарья Павловна разозлится...

– А вдруг она не заметит, что меня нет?..

– Дети, сегодня на классном часе мы рассмотрим вопрос, каким должен быть пионер. Если ученик прогуливает уроки, не участвует в общественно полезных делах, например, в сборе макулатуры, он достоин быть пионером?

Все дружно замотали головами: нет, не достоин!

– Можем мы в таком случае принять в первых рядах Степанову, или пусть сначала подумает над своим поведением? Мало того, что три газетки в макулатуру найти не смогла, так ещё и с уроков сбежала!

Даже учительская любимица Галя промолчала. Дарья Павловна недовольно оглядела притихший класс:

– Хорошо, время у нас есть. Мы все над этим подумаем, но на репетицию, Степанова, можешь не приходить.

Эх, как будто сорвали пионерский галстук с шеи, ещё его не повязав! И обидно – неужели она хуже Веры и ябеды Гальки?..

Но что ей было делать – оставить ребёнка без питания?!

Красный галстук и значок ждали своего часа. Основная церемония традиционно назначалась на двадцать второе апреля – День рождения Ленина. Но накануне Дня космонавтики Ире снисходительно объявили, что её всё-таки завтра примут в пионеры вместе с другими отличниками. Странно: почему Дарья Павловна передумала?..

В стенах музея тракторного гиганта после высоких сти-

хов, прославляющих партию и Ленина, забили барабаны, и передовики производства дрожащими руками повязали алые галстуки на шею бывшим октябрятам. Иру переполняло счастье – наконец, свершилось! Вот теперь она полноценный человек! Гражданин своей великой страны!

Новоиспечённых пионеров провели по залам трудовой славы. На них смотрели портреты комсомольских энтузиастов – строителей завода, в их лицах читалась гордость за благое дело Родины. Похожее чувство распирало и юных посетителей музея, ведь отцы большинства из них, в том числе Ирин, тоже здесь работали.

Это не любовь

– Тебе тоже в эту сторону? Пошли вместе?

Ира поравнялась с семенящей впереди одноклассницей, узнав её по выглядывающим из-за портфеля бантам и баранкам из кос. Коротышку и тихоню Алису в школе никто не замечал.

– Куда ты так бежишь? Я за тобой не успеваю! – Ире хотелось немного поболтать.

Алиса и не подумала замедлить шаг.

– Мне надо на сольфеджио в музыкалку!

– И ты совсем не можешь хоть раз его пропустить?

Чёрные цыганские брови Алисы поползли вверх:

– Нет! Ты что?!

Ира восхитилась такой самоотверженностью.

– Ты каждый день туда ходишь?

– Почти. Но завтра мне не надо, и я могу погулять.

Так яркая бойкая Ира приобрела новую подружку – ху-
денькую незаметную Алису.

– А ты любишь кого-нибудь?

Между подружками обязательно должны быть маленькие
и большие секреты.

Алиса покраснела:

– Да.

– Я люблю Сергея Степанова. А ты?

Алиса смутилась:

– И я тоже...

Но Ира даже обрадовалась:

– Ой, как здорово, что мы вместе его любим! Он такой
красивый, правда?

О существовании ревности в третьем классе ещё не подо-
зревали. Тем более Ира не видела в Алисе соперницу. Все в
классе знали и давно шушукались, что среди девочек Сергей
отдаёт явное предпочтение именно ей, своей однофамилице.
Мальчишки класса называли его «атаман» и ловили каждое
слово. И к Ире, как раньше, не приставали.

Сначала влюблённые переглядывались друг с другом тай-
ком. Потом Сергей стал всегда оказываться рядом с Ирой,
когда ей нужна была хоть какая-то помощь, делился ручка-

ми, карандашами, цветной бумагой. Однажды на парте появились новые «медовые» краски, приобретённые его отцом-художником. Всем очень хотелось попробовать их на вкус – они сладкие?... Сомнений в том, что Сергей влюблён в Иру, ни у кого не осталось, когда она единственная была допущена к драгоценной коробочке.

Алиса только вздыхала и слушала Ирины восторги, тихо отходила в сторонку, когда кавалер брал портфель подруги, чтобы проводить до дома.

– Смотри, что я принёс!

Он достал из глубины ранца небольшие морские раковины.

– Послушай! Там шумит море!

Ира приложила ухо к розово-перламутровой завитушке. Ей показалось, что она услышала крик чаек.

– Красивые! Я тоже хочу на море! – Она протянула чудо обратно Сергею.

– Нет, я тебе их дарю!

– Правда?!

Первый подарок от мальчика. А ведь ему наверняка дома за ракушки достанется, но всё равно дарит. Значит, он действительно её любит!

Можно ли назвать любовь десятилетних детей настоящей? – Она без всяких сожалений закончилась со сменой школы после переезда в новую квартиру. Ракушки мама по-

крыла лаком и деловито убрала за стекло серванта.

Случайно встретившаяся в сентябре нового учебного года Алиса заговорщицки поделилась:

– А Сергей тоже ушёл в другую школу. Говорят, из-за тебя.

Ира понимала, что не по этой причине, потому что в их возрасте решения принимают родители, но было приятно, что другие думают именно так. Она помахала Алисе рукой на прощанье и пожелала успехов в музыке.

Глава 2

Кончится лето

Дети проходных дворов

– В каком доме вы живёте? – спросила секретарь, не отрываясь от намывания табуретки в приёмной директора (школа готовилась к первому сентября).

– В 24-м на Стрелковой...

– Тогда вам в четвёртый «Б».

У школьных раздевалок поджидали новые подружки. Ира радостно бросилась им навстречу:

– Я буду учиться с вами в одном классе!

– Ира! – одёрнула мама. – Тебя только приняли, а ты уже бегаешь по коридорам и орёшь на всю школу!

Больше половины их класса жило в одном доме.

На новом месте первой подружкой Иры стала Оксана Пилипéйко, живущая этажом ниже. Украинская фамилия с ударением на «е» досталась от отца, распределённого после института в края, далёкие от родины. Зато почти каждый год семейство выезжало к родственникам на море в сказочный Крым. Фамилию в школе коверкали и учителя, и одноклассники, – то ударение на «и» поставят, то Пилипенко назовут, а иногда и то и другое. Оксана терпеливо поправляла, но на

следующем уроке опять слышала «Пилипенко». Она была похожа на отца, и в детской фигурке угадывалась будущая «гарна дивчина». Ира, читая «Ночь перед Рождеством» Гоголя, ясно представляла именно подругу в облике одноимённой героини.

В соседней с Оксаной квартире жила её неразлучная, ещё детсадовская подружка – и тоже Оксана с фамилией попросту: Рудова. Родители волею судьбы переехали из Мордовии и страстно мечтали вернуться обратно. Кроме того, что тянуло в родные края, веской причиной являлся тяжёлый диатез младшей дочери, Оксаниной сестрёнки, который бесследно исчезал во время каникул у мордовской бабушки. Обмен квартиры не удавался, и семья жила замкнуто, не общаясь с соседями, особенно чужой национальности – чувашами или татарами. Этот образ жизни отразился и на характере Оксаны – она неохотно знакомилась, не любила откровенничать и считала, что делает большое одолжение, общаясь с новой подругой.

Ира, благосклонно принятая в ближний круг двух Оксан, чувствовала себя третьей лишней. Первая Оксана во всём слушалась вторую, и если той по какой-либо причине вздумывалось обидеться (а обижалась она часто) и неделю с Ирой не разговаривать, то Пилипейко преданно удалялась за Рудовой.

Но Ира быстро заводила новых друзей.

Блондинистая Тоня Петрова выделялась своей уверенно-

стью и невозмутимостью, немного сутулилась, стесняясь высокого роста. Она временами выгуливала в палисаднике толстого неповоротливого кота, который почему-то недолюбливал Иру, громко, угрожающе урчал и шипел по-змеиному, чем желаемого эффекта вполне успешно достигал – Ира его панически боялась.

За Тоней Петровой хвостом следовала Оля Резина, круглолицая тихая девочка с тусклыми глазами и соломенными волосами. Отец Оли учился вместе с Ириным папой в университете, строил карьеру, со временем заняв должность начальника производства, где трудился отец Иры, так и оставшийся рабочим, – не получалось у него руководить своими же товарищами по цеху.

Если Оксана Пилипейко терпеливо страдала из-за своей фамилии, но всё же ею гордилась, то Лиза фамилию Москина ненавидела, потому что та являлась источником бесконечных дразнилок. Нетрудно догадаться, как её переделывали – Моськина! – вспоминая при этом ещё и басню Крылова! Слезы обильными ручейками лились из Лизиных глаз, и не только по этому поводу. Многие одноклассники считали, что она это делает специально, чтобы разжалобить учителей, когда те ставили плохие оценки. Лиза тайно писала стихи о любви и мечтала стать учителем.

Люба Николаева отличалась серьёзностью не по годам, но по этой же причине плохо понимала юмор. Слово «пионерка» подходило именно ей. Не в значении «первая», а в смыс-

ле – «всегда готов» сделать так, как скажут. Она считала, что всё должно быть «правильно». Поэтому Любе очень нравилось дружить с правдурубкой Ирой.

Девчоночья дружба похожа на переменчивую погоду: сегодня ты моя самая преданная подруга, а завтра я тебе косточки с другой перемою и опять к тебе вернусь. Кто-то хотел единоличной дружбы, но Иру это не устраивало, и она дружила со всеми сразу или по очереди.

На третий день учёбы в новой школе классная руководительница, учитель английского языка Ираида Викторовна, вызвала Иру с урока рисования. В коридоре ждала и завуч.

– Ты как в наш класс попала?

– Нам женщина в директорской сказала, – растерялась Ира.

– Мы тебя переведём в «Г» класс. Ты же всё равно новенькая и никого не знаешь.

– Нет! Я всех знаю! У меня здесь подружки! – вдруг разрыдалась Ира.

– Ну ладно, ладно! Не плачь. Иди пока на урок!

С красными глазами она села за парту.

– Ей, наверное, прививку делали! – посочувствовал Андрей Кочкин, местный хулиган.

Четвёртый «Б» души не чаял в своей первой учительнице Валентине Михайловне.

Первое время бывшие ученики бегали в её кабинет каждую перемену. Первоклашки, раскрыв рот, ловили каждое слово старших по школе. По традиции первый «Б» собрали из детей этого же дома, поэтому Иру, согласившуюся на роль вожатой при распределении пионерских обязанностей, окружала толпа малышей не только в школе, но и во дворе.

Мягкосердечная Валентина Михайловна настолько свылась с присутствием Иры, что считала её своей и даже разрешала подменять себя на уроке во время нудных учительских совещаний. Тогда Ира доставала книгу с красочными картинками и читала притихшим подопечным. Малышня смекнула, что она – сказочница, и любимой их просьбой стало: «Расскажи историю!», когда они гурьбой усаживались возле неё на дворовой скамейке.

– Расскажи что-нибудь! – взмолилась и Оксана Пилипейко, когда они застряли в лифте. – Чтобы не так страшно было!

В душной полутьме зависшей между этажами кабины Ира почувствовала обнявшие её потные ручки маленькой Наташи из подшефного класса.

– Надо что-нибудь весёлое! – И она завела историю про Муфту, Полботинка и Моховую Бороду, пока подошедшие лифтеры не вытащили их из западни.

– А давайте сказку разыграем! – Идея облетела весь двор. Выбрали любимый фильм «Королевство кривых зеркал». Роли разобрали вмиг, даже коней в упряжке злой дамы Ани-

даг, – прицеплялись скакалками и мчались по двору!

Ире досталась роль зазеркальной девочки Яло. Она убедительно капризничала и канючила: «Я есть хочу! Я пить хочу!»

Оля Веселова из второго подъезда (младше Иры на год, считавшая себя первой красавицей двора) играла главную героиню – тоже Олю. Во всех последующих постановках она предпочитала только роли принцесс, и перечить ей никто не смел. Принца она искала крайне придирчиво, но в «Спящей красавице» выбирать не приходилось – целоваться мальчики категорически отказывались.

Эта сказка удалась актёрам-любителям лучше всего и была разыграна на школьной сцене под бурные аплодисменты учителей.

Муравейник

К концу учебного года вожатская деятельность Иры не осталась незамеченной: на итоговом пионерском собрании класса её выбрали председателем совета отряда.

Это явилось полной неожиданностью: она же в этой школе всего год! Ира собой гордилась, но что скажут дома?.. Родители считали, что учёба – это главное, чему должно уделяться внимание, четвёрки в дневнике – катастрофа, недостойная их ребёнка, а время, использованное не на поиски знаний или домашние дела, потрачено впустую.

Мысли о вероятном осуждении дома крутились в голове Иры, и она неожиданно заплакала:

– Я не могу! Мне мама с папой не разрешат!

Ираида Викторовна засмеялась, приобняв за плечи:

– И эту девочку я хотела отдать в другой класс! Я поговорю с твоей мамой.

Пионерская комната! Это место казалось Ире запретным для простых смертных, а пионеры и комсомольцы, скрывающиеся за вождественной дверью, – избранными.

– Ты хочешь зайти? Не стесняйся, входи! – Столкнувшись у пионерской со стоящей в нерешительности Иррой, комсорг открыла заветную дверь.

Никто не обратил на новенькую внимания. За длинным полированным столом с рядами стульев несколько старшеклассников усердно рисовали на листе ватмана стенгазету. Белобрысый мальчик из шестого «А» аккуратно расставлял горны на стойке у стены, поворачивая блестящие ручки обязательно вправо, в сторону бюста Ленина в углу и бархатных багровых полотнищ с золотыми кистями. У стола старшей вожатой Лены трое пионерок что-то возбуждённо обсуждали, время от времени взрываясь смехом.

Ира подошла к веселящемуся столу:

– А мне можно к вам?

– Привет! Да, пожалуйста! – чуть отодвинулась бойкая говорливая девочка, хохотавшая громче всех. Это была Яна Маслова из «Д» класса. Она рассказывала про отдых в «Ар-

теке».

– Ничего себе! Ты была в «Артеке»?!

Для Иры этот лагерь олицетворял мечту всех пионеров страны. А тут перед ней человек, который говорил о нём как о совершенно обыденной вещи!

Ни в какие лагеря, кроме пришкольного, родители Иру не пускали. Заикнувшись однажды о своём желании, она услышала в ответ: «Что там делать? Там же сплошной разврат!» (Таким было их мнение и по поводу выездов «на картошку», когда Ира училась уже в старших классах, и она была освобождена от обязательной советской традиции.)

– Повеселились – теперь к делу! – заметила Лена, стараясь придать голосу строгости. – Новый год не за горами! Надо придумать сценарий для новогодней ёлки.

Она придвинула кучку журналов «Вожатый».

– Давайте я попробую? – Ира смутилась от обращённых на неё оценивающих взглядов, но все согласились.

Через два дня сценарий лежал на столе пионерской. Работа закипела: шили костюмы, клеили маски, собирали реквизит, репетировали. И бесконечно хохотали.

Жизнь Иры разделилась на две половинки. В первой – школа с друзьями, весёлыми шутками в пионерской, любимой библиотекой. Во второй она запиралась в скорлупу послушной девочки от не желающих понимать её родителей, которым таланты дочери были неинтересны.

Просить у матери реквизит для роли Шапокляк? – всё равно не разрешит! На антресолях пылились забытые ботильоны на каблуках, очень подходящие. Шляпой поделилась Лиза Москина, сумочкой – Оксана Пилипейко. Но чего-то для образа не хватало. Точно – крысы! Ира вспомнила, что недавно одна из одноклассниц, Аля Макарова, приносила в школу белую мышь. Аля любезно согласилась одолжить питомца.

Мышь половину представления тихонько сидела на дне сумки с кучей семечек.

После вкусного обеда, видимо, в её расписании наступило время дневной прогулки. Она с любопытством высунула белую усатую мордочку через просвет клапана, а затем проворно уселась поверх сумки совершенно не в тот момент, когда планировалось показать зверька малышам. Хоровод «В лесу родилась ёлочка» оживился подвизгиваниями ближайшей ребятни.

Сумка опасно раскачивалась в такт танцам, и мыши потребовалось более комфортное место. Она устремилась вверх по Ире, больно цепляясь коготочками за руку и поднимаясь всё выше от назойливо тыкающих пальчиками возмущенных мальчиков и девочек. Убежище неугомонное существо нашло под собранным резинкой «хвостом».

Ира стойчески терпела копошение зверька на затылке, пока мышь не укусила прямо в шею. Вот вампирёныш! Она попыталась схватить, но тут же отдернула руку из-за укуса

в палец. Два кровавых зёрнышка пришлось незаметно вытереть о чёрную юбку. Представление прерывать нельзя – её выход!

Пока Шапокляк строила по сценарию пакости Деду Морозу, мышь пакостила Ире. В конце концов, на радость малышне, хулиганка уселась на шляпу и, восседая у всех на виду, провела там остаток представления.

Праздник удался!

Песня без слов

Проводив Деда Мороза, передышки себе не давали.

В феврале школьные коридоры сотрясались от топота марширующих пионерских ног и громогласных патриотических речёвок. Близился смотр строя и песни ко Дню Советской Армии. Шились пилотки и галстуки, к брюкам пристрачивались лампасы, а к блузкам и рубашкам – погоны.

– Стой! Раз-два!

Сергей Ломоносов неизменно награждался званием лучшего командира отряда за звонкий голос и чёткие команды. Он слыл также и первым драчуном – из-за устраиваемых потасовок со сверстниками, дразнившими за маленький рост (которых он, несмотря на этот недостаток, чаще побеждал).

А вот в общем рейтинге «Б» класс занимал стабильное третье место. Первые места, чередуясь, делили между собой «А» и «Д» классы. Непризовые места грозили юным армей-

цам немилостью суровых классных руководителей, поэтому шаг они чеканили и равнение оттачивали не хуже участников парада на Красной площади.

Не все учителя удостаивались чести нести через несколько поколений учеников приклеенное им прозвище.

У историка, классного руководителя «А» класса, была кличка Веник (от имени Вениамин). Но он не производил впечатления мягкого и домашнего, а скорее походил на метлу опричника Ивана Грозного, поэтому произносили прозвище шёпотом, даже когда Вениамина Павловича в школе не было. С первых же дней историк приучал к дисциплине желторотых юнцов так, чтобы до конца школы ни у кого не возникало желания даже на муху оглянуться на его уроке.

Только что выпорхнувшие из-под крыла первой учительницы четвероклашки, заигравшиеся на физкультуре, вкатились в кабинет истории, налетев у порога класса на толпу таких же опоздавших на урок.

Ира, которая не вышла ростом, уткнулась в спины впереди стоящих и ничего не видела. Услышав строгий голос учителя: «Вы где были?», она выпалила:

– Играли!

Толпа расступилась, и Ира наконец увидела, как новый учитель медленно опустил на пол до этого схваченного «за грудки» и повисшего в воздухе дрожащего Костю Лукьянова, обычно молчаливого и стеснительного. По полу покати-

лись две оборванные пуговицы.

– Играли?! – Пунцовое лицо учителя напомнило быка на арене, и было совсем не смешно.

В мёртвой тишине взгляд историка сверлил Иру сквозь бликующие стёкла очков. Она втянула голову в плечи – вот сейчас тоже за шкурку возьмёт!

Вдруг «злыдень» выпрямился:

– Все сели!

В классе стало слышно, как учитель в соседнем кабинете мелом на доске пишет. Выдрессировал!

Но историком Вениамин Павлович был от Бога! И вовсе не от внушаемого учителем страха его рассказы слушали, открыв рот и не моргая. Старшеклассники мечтали об историко-филологическом факультете. Посыпавшаяся в скором времени советская история выкинула на помойку старые учебники, и влюблённый в свой предмет (и в правду) учитель расправил крылья и достал свои личные тайные архивы.

Начитанная Ира любила в своих ответах дополнять учебник и быстро подружилась с историком. Начиная урок, он добавлял: «Ну что, Ира! Расскажем сегодня ребятам о Столетней войне?»

Учительница химии, классный руководитель «Д» класса, носила прозвище Бульдог. Она считала своим долгом воспитать «правильное» новое поколение, следить за его моральным обликом. По своим, конечно же, меркам. Мужчи-

ны должны уважать женщин, младшие – старших, низшие по рангу – подчиняться высшим. У правильного мальчика брюки со стрелками, отглаженный пионерский галстук и ни одного слова матом. Правильная девочка носит платье с белым фартучком и воротничком, косу с бантом и не пользуется косметикой.

Утро в «Д» классе начиналось с проверки начищенности ботинок и отсутствия лака на ногтях, в противном случае в кабинете химии стоял наготове ацетон. Возражая учителю, ученик нарушает закон уважения старших, значит, заклеим позором.

Лозунг над таблицей Менделеева внушал крупными буквами: «Вы всегда и во всём должны быть первыми!»

И «Д» класс дружными ручейками растекался по подъездам соседних дворов на сбор газет для макулатуры у добросердечных старушек, занятых мам, активно читающих прессу «диванных спортсменов».

«Раз, два! Раз, два!» – царапая асфальт, тащили всем миром на металлолом найденный в овраге проржавевший кузов «Запорожца».

Всё для того, чтобы быть первыми.

Апрель

Все отличники стремились на уроках занять первые парты, ближе к учителю.

Все, кроме Иры. Она предпочитала «камчатку», подальше от оценивающих в упор взглядов учителей и в затылок — одноклассников. Мужественно терпела соседей по парте, помогая с контрольными.

Ираида Викторовна деловито махала руками по всем направлениям, пересаживая учеников по только ей понятному принципу.

— Ломов садится к Степановой!

Долговязый неуклюжий Олег Ломов с превеликой радостью направился к Ире.

— Я к тебе, дорогая! — слащаво подольстился он.

О боже! Только не этот! Давно ходит за ней кругами с томными комплиментами — аж противно!

— Я с ним сидеть не буду! — выпалила Ира, вскочив со своего места.

— Почему? — Ираида Викторовна не ожидала столь бурной реакции.

— Не хочу!

— Степанова! Не выдумывай! Все расселись как им сказали — одной тебе что-то не нравится!

— Ах так! — Ира схватила стопку учебников и тетрадей и переложила на самую заднюю парту, которая ещё оставалась свободной. — Я буду сидеть здесь одна!

На следующий день выяснилось, что в кабинете физики парт меньше. Недовольно пофыркав, Ира уселась рядом с

Ломовым.

– Вернулась! – довольно промурлыкал тот.

– Ты меня бесишь! Лучше помолчи! – она стукнула линейкой по его плечу.

То ли удар был сильный, то ли линейка хрупкая, но в руке осталась лишь половинка чертёжного инструмента.

Через три сломанные линейки, один треугольник и множество шлепков учебником «Ромео» не выдержал:

– Я с ней сидеть больше не буду! – и пересел с пожитками на злополучную заднюю парту.

Ира осталась довольна, что избавилась от неудобного соседа.

Двадцать второе апреля. День субботника. Школьники с нескрываемой надеждой смотрели в окно на моросящий унылый дождь – отменят!

Но к обеду предательские облака разрешили строи, истратив мокрое содержимое. В просветы между ними временами проглядывало ещё не синее небо. Под кустами скукожилась мокрая прошлогодняя листва, разбавленная белыми пятнами мусорных бумажек из растаявших сугробов.

– Готовы? Берём мешки, грабли – на субботник!

Куда?! Подростки недоумённо глядели на Ираиду Викторовну.

– Там же грязь?

– Сегодня Всесоюзный субботник! Сказали надо – значит,

надо!

Ира не выдержала:

– И поэтому мы должны вымазаться, как свиньи? Давайте перенесём на завтра! Мы же не отказываемся – так же выйдем и пройдемся по своей территории. Её же за нас всё равно никто не уберёт...

– Ты хочешь сказать, что все классы свою почистят, а наша до завтра будет в мусоре? – возмущению классного руководителя не было предела.

– А лучше пусть мы чумазыми будем?.. Не пойму, в чём проблема выйти завтра?

– Степанова! Ты мне надоела! Все дети как дети, а тебе вечно надо от коллектива отбиваться! – Классная была уже не рада, что «эта девочка» когда-то попала в её класс.

Пару лет назад оспаривать день проведения коммунистического субботника никто бы не посмел, но времена изменились.

Однокашники всё же послушно поплелись за учителем, кто-то обречённо вздыхая, а кто-то злорадно посматривая на Иру: «Выпендрилась?!»

В наших глазах

Новую преподавательницу математики звали Татьяна Михайловна Ванина.

– А вашу дочь, случайно, не Алиса зовут? – решилась по-

дойти к учительнице Ира.

– Да. Ты её знаешь?

– Мы в 31-й школе в одном классе учились и даже дружили.

– Ты Ира? Алиса про тебя рассказывала!

– Передайте ей привет! – просияла Ира.

Через месяц Ираида Викторовна объявила о новой ученице. В открытую дверь класса заглянуло знакомое лицо.

Алиса! Но в её чертах ничего не осталось от «гадкого утёнка», какой запомнилась Ире подруга. Высокая, стройная, полная достоинства, Алиса лебедем всплыла под изумлённые взгляды будущих одноклассников. Чёрные глаза блеснули под цыганскими бровями и заметили бывшую подругу. Ира искренне обрадовалась и кивнула на свободный стул рядом с собой.

– Ты решила перейти в нашу школу?

– Да, так получилось...

– Из-за мамы?

– Да нет! С классной в 31-й поцапались. Да и вообще – дрянь школа! Не хочу об этом говорить. – Сейчас Алиса не походила на примерную девочку, готовую слушать чьи-либо секреты и сочувственно кивать головой, она не выглядела активисткой-пионеркой или любительницей книг и школы. Общие интересы на этот раз вряд ли найдутся...

– А в музыкалку ты ещё ходишь?

– Конечно. Надоело, но надо окончить.

Как и предполагала Ира, Алиса вскоре пересела за парту к Наташе Владимировой, с которой можно поболтать о косметике, нарядах и мальчиках.

– Далеко идёшь? – Алиса поравнялась с Ирой. Им опять, как когда-то, по пути.

– Из садика надо сестрёнку забрать.

Сырость неприятно хлюпала под ногами. Сшитая мамой куртка не особо грела. Ира поёжилась.

– Смотри, Дарья Павловна! – Алиса подалась навстречу первой учительнице.

Ира остановилась.

Дородная женщина приветливо закивала, не глядя в Ири-ну сторону:

– Алиса! Давно тебя не видела! Как твои занятия музыкой? Как тебе новая школа?

– Нормально!

– Ты с Ирой в одном классе учишься?

«Она не узнала меня?»

Ира приподняла шапку, сдвинутую на глаза по молодёжной моде, и вмешалась в разговор:

– Дарья Павловна! Это же я, Ира!

Равнодушный взгляд скользнул в её сторону.

– Да-да, я знаю... – И снова к Алисе: – Как живёт твоя мама?

Горько чувствовать себя пустым местом, но не обида хлопотала в душе бывшей ученицы, а презрение к этой злопамятной женщине: «Гордись своими никчёмными учениками! Ты никогда не узнаешь, кем стану я! Чего я добьюсь в жизни!»

– На новогодний вечер организуем конкурс на лучшую постановку музыкального клипа. Идеи есть? – Ира воспользовалась паузой в конце урока английского.

– «Ласковый май»... «Мираж»... «Машина времени»... – посыпались предложения.

– Ребят, а не хотите что-то на английском языке? – неуверенно вступила Ираида Викторовна.

– «Модерн Токинг»! Обожаю! – Лиза Москина аж закатила глаза.

– И как мы их будем изображать? – Люба Николаева скептически скривила губы.

– «Статус Кво»! – вдруг выпалил Кочкин, обычно не говоривший желанием участвовать в тупых, с его точки зрения, мероприятиях.

– Точно! Я даже представляю, как будем маршировать по сцене в пилотках и погонах со смотра! – Ира показала большой палец Андрею.

– Night is falling and you just can't see, is this illusion or reality? You're in army now... – пела под фонограмму рок-группы Алиса у новогодней ёлки, и круглолицый Кочкин с

выбритой головой улыбался во всю ширь, выделявая культи фанерной гитарой.

«Наступает ночь, и вы просто не можете понять – это иллюзия или реальность?»

Глава 3

Мама, мы все сошли с ума

Следи за собой

Воробы, распушив хвосты, устроили базарный переполох на палисадной вишне. Их весенняя говорливость перебивала доносившиеся с шестого (а может, с седьмого) этажа мерные металлические ноты Цоя: «...Группа крови на рукаве...»

Искрящаяся струйка талой воды, временами превращаясь в капёль, падала с подъездного козырька и хулигански разлеталась брызгами вокруг, ударяясь о бетонный пол.

Ира зажмурилась, подставив лицо ласковым апрельским лучам. Она стояла у подъезда Кати Боровиковой, сегодняшней именинницы. Оксана Пилипейко задерживалась, но время ещё есть – пригласили к четырёх. Родители Оксаны Рудовой этой зимой наконец перебрались на родину, прихватив детей.

Подъездная дверь недружелюбно скрипнула, и рядом с Ирой остановилась тёмная фигура. Неопрятно включенные короткие волосы, глаза с подводкой, короткая болоньевая куртка, юбка цыганского кроя с испачканным подолом, подметающим дорогу, короткие ботинки – всё было чёрного цвета. Таких называли «метёлками».

Ира встречалась с этой персоной в прежней школе – она училась в параллельном классе, – но имени её не знала.

Девушка оглядела Иру с ног до головы и цыкнула:

– Чо зыришь?

– На похороны собралась?

Та от неожиданности встрепенулась чёрной птицей. Ах, язык мой – враг мой!

– Чо сказала?! Давно не получала? Ща как умою! – и поставила ладонь под холодную струю.

– Что остановилась? Умой! – Ира понимала, что шутка была неудачной, но отступить не умела и отводить взгляд тоже – смотрела в упор, как дуло револьвера.

– Галка! Чего взбеленилась?

Обе обернулись на голос. Из подъезда вышла Наташа Владимирова. Одежда её копировала наряд подружки, только куртка тёмно-синяя, а ботинки красные.

Тут подошла и Оксана.

Разочарованная Галка скривила губы:

– Ладно! Встретимся ещё...

День рождения проходил за традиционным чаем с тортом и перемалыванием косточек одноклассникам.

– Ну что это за юбки уродливые! Они их каждый день стирают, что ли? Волочатся же по тротуару?!

Именинница недоумённо уставилась на Иру:

– Это ж сейчас модно! Я тоже себе такую заказала у ма-

миной знакомой.

Ира сочувственно вздохнула: «Ума у Кати как у продавщицы в сельпо! У таких-то родителей!» Мама – директор музея, папа – доцент в каком-то институте. Вся квартира книжными шкафами уставлена, а Катька двойками обрастает, пока не спишет у кого-то; чаще у неё, у Иры.

У стола, перебирая тонкими ножками, поджидала угощения, умоляюще глядя большими чёрными глазами, крохотная собачка.

– Первый раз вижу такую маленькую собаку. А как называется эта порода?

Катя похлопала по коленке, и живая игрушка радостно вскочила на хозяйку.

– Карликовый пинчер. Мама его из Китая привезла.

Оксана погладила чудо по голове, та поджала крохотные ушки, подавшись вперёд на ласку.

– И что все заводят больших собак – овчарок, колли?.. Или эту, помните, из «Электроника»? Какой-то терьер. Я их боюсь. Я только пуделей люблю.

Катя чмокнула своего питомца в мокрый нос:

– Скоро все таких малышей начнут держать. Они удобные.

«Собаку тебе – удобную, а юбку – неудобную. Потому что всё модно!» – подумала Ира.

Свой острый язык она и сама не любила. Услышав матерные слова от Владимировой, не выдержала:

– Хватит понос извергать из своего рта!

За подругу вдруг разъярилась Алиса:

– Степанова, давно нарываешься! От самой сейчас понос останется!

Ира долго слова не подбирала:

– А ты его своей юбкой подотрёшь?

– Ну, держись!

Ира не успела опомниться, как изящные ручки схватили её за кофту и рванули на себя.

Не стоять же истуканом! Она сжала Алисины запястья. Обе закружились в шаманском танце, каждая пыталась освободиться от упрямой соперницы. Ира смогла бы справиться, если бы не подлетевшая Наташка, вцепившаяся ей прямо в волосы.

Подруги прижали Иру к стене, и она, извиваясь змеей, пыталась выскользнуть.

Девчоночья раздевалка, казалось, была абсолютно равнодушна к происходившему действию. Изредка доносился голос Любы Николаевой: «Ну хватит уже!»

«Метёлки» ослабили хватку. Алиса заметила уже миролюбиво:

– Что-то заигрались! А, все – дураки! – и махнула рукой.

Ира согласно кивнула.

Троюродная сестра Соня томно наблюдала, как за окном девятого этажа носились стрижи, похожие на маленькие ис-

требители. Тонкими аристократическими пальцами она держала невидимую сигарету, подносила к губам и выдыхала воображаемый дым на оконное стекло. Длинная чёрная юбка выдавала связь с миром гопников.

Родители часто общались и разрешали детям устраивать друг у друга ночёвки. Девочки пили чай с пирожными, играли в куклы, став постарше – в настольные игры.

Но самое главное, зачем оставались в гостях, – чтобы секрети́чать полно́чи! Соня, старше Иры на два года, посвящала её в первые взрослые женские тайны. Она играла в юношеской волейбольной сборной, хотя ростом не отличалась, постоянно разъезжала по городам страны, поэтому виделись они в последнее время нечасто.

– Ты куришь?

– Нет. Только балуюсь.

– Тебе же нельзя?.. Тренер узнает – выгонит из сборной.

– Если ты не умеешь курить, тебя сегодня никто уважать не будет.

– Я не курю. И не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.